

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'38'42
ББК 81

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

INTERTEXTUAL ASPECT
OF SPEECH GENRES

Аннотация. В статье обсуждается один из наиболее принципиальных и еще далеко не осмысленных до конца аспектов речевых жанров – интертекстуальный. Показано интертекстуальное содержание идеи речевого жанра М. М. Бахтина: РЖ как формы «чужого слова», при этом наиболее значимым считается понятие вторичного речевого жанра (диахроническая речезанровая вторичность), предлагается несколько классификаций вторичных РЖ на интертекстуальной основе. Обсуждаются отношения между вторичными РЖ и вторичными текстами, в том числе нейтрализация различий между ними в лингвистической и нелингвистической рефлексии. Рассматриваются также интертекстуальность в метафорических номинациях РЖ и в историческом формировании речезанрового нарратива (анекдоты и прозвища). Отдельно рассматривается связь речевого жанра и интертекстуальности в явлении лингвокреативности.

Ключевые слова: речевой жанр, интертекстуальность, вторичный РЖ, вторичный текст, речезанровая диахрония, метафора, лингвокреативность.

Abstract. This article discusses intertextuality, a critical but still an under-researched aspect of speech genres (SG). We focus on the intertextual content of Michael Bakhtin's concept of the SG which he viewed as the «word of the other». The concept of a secondary genre (in terms of the diachronic nature of the SG) is shown as essential and several classifications of secondary SGs based on intertextuality are proposed. We explore relations between secondary SGs and secondary texts and analyze how differences between them are neutralized in linguistic and non-linguistic reflections. We will also look into intertextual relations in the metaphor as used in SGs and into the historic evolution of the SG narratives (e.g., jokes and nicknames). Finally, we trace the ties between the SG and intertextuality in linguocreativity.

Key words: speech genre, intertextuality, secondary speech genre, secondary text, speech genre diachrony, metaphor, linguocreativity.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky.

0. Введение

Представление об интертекстуальном аспекте речевых жанров присутствует уже в философии М. М. Бахтина. И понятие речевого жанра, и понятие интертекстуальности относились к наиболее приоритетным у ученого, который в своей программной статье «Проблема речевых жанров» подчеркивал интертекстуальность любого высказывания, любого текста – как принадлежность их (слов в них) «другим» авторам, «чужест» (хотя, естественно, не использовал термин *интертекстуальность*, который был введен позже – кстати, последовательницей Бахтина Ю. Кристевой): «Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степе-

ни чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [1 : 193]. В этом смысле интертекстуален и РЖ – как форма высказывания, а тем самым – форма этого самого «чужого слова». С одной стороны, сами эти формы, т.е. собственно РЖ, тоже «чужие»: принадлежат не говорящему / пишущему, а многим и многим «другим авторам» до него; с другой стороны, используя тот или иной РЖ, говорящий вспоминает, что в примерно такие же формы в примерно таких же ситуациях отливали свои высказывания эти «другие».

Однако эта идея (как многие бахтинские идеи – см. [2]) не получила окончательного развития в работах самого Бахтина: не оформилась в виде модели, пригодной для

практической работы с материалом (который, как и любой реальный языковой / речевой материал, обязательно будет в одних отношениях гомогенным, в других – противоречивым и негомогенным).

Работа над такой моделью в основном осуществлялась уже последователями Бахтина – современными лингвистами; однако результаты этой работы, на наш взгляд, еще нельзя считать по-настоящему удовлетворительными.

1. Классификация вторичных речевых жанров

По нашему мнению, в концепции Бахтина понятия речевого жанра и интертекстуальности наиболее близко сходятся в принципиально важном для данной концепции понятии *вторичного речевого жанра*:

«Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т.п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни» [1 : 161–162].

Следует подчеркнуть, что из этого – признания значимости вторичного РЖ, в таком понимании его природы, – исходят многие последователи Бахтина, которые анализируют связь речевого жанра и интертекстуальности [3–5]. В некоторых исследованиях обсуждаются отношения понятий вторичного РЖ и *вторичного текста*, который считают центральной единицей интертекстуальности большинство исследователей, изучающих данную проблему [6 ; 7].

В целом в современной теории между вторичными речевыми жанрами и вторичными текстами усматривается как общее, так и различное.

Общим является то, что и те, и другие заимствуют некоторые важные моменты у соответствующих первичных текстов и жанров (что позволяет усматривать между членами

обеих пар своеобразные диалогические отношения, подобные отношениям между репликами в разговоре; кстати, обусловленность диалогом всех важнейших речевых и даже языковых структур – одна из ключевых идей Бахтина).

Различия состоят, прежде всего, в том, что в случае вторичных речевых жанров заимствуются гораздо более абстрактные вещи, чем в случае вторичных текстов: структуры и отношения, в которые вступают языковые / речевые / текстовые единицы, но не сами эти единицы.

Ср. признаки вторичного РЖ, которые считает наиболее существенными Н. Б. Рогачева (она говорит только о вторичных РЖ интернет-коммуникации, но, представляется, определение это легко может быть расширено до любой «вторичной», т.е. опосредованной социально или идеологически, сферы общения): «Вторичный речевой жанр <...> представляет собой структурно-содержательную модель организации и интерпретации речи, которая находится в отношениях производности со структурными моделями речежанрового типа непосредственной или любой другой интернет-коммуникации (существующими в коммуникативной компетенции носителя языка в активном или пассивном виде), заимствуя у них значимые моменты структурной организации, порождения и интерпретации речи. Для данной модели не являются существенными влияние конкретных произведений, авторов и тематический (предметный) ряд: отношения производности между первичными и вторичными речевыми жанрами существуют только на уровне речевых структур <разрядка моя. – В. Д.> [5 : 3].

Конечно, одним из наиболее принципиальных является вопрос, как связаны с интертекстуальностью и вторичными текстами разные типы вторичных речевых жанров.

Это выводит нас на проблему классификации вторичных РЖ, которую считаем полезным рассмотреть подробнее, прежде всего потому, что многие существующие классификации вторичных РЖ имеют самое непосредственное отношение к интертекстуальности, более того: выделяемые в данных классификациях типы вторичных РЖ противопоставляются именно по степени их интертекстуальности.

(Тоже очень важный вопрос о том, как относятся к вторичным жанрам разные типы вторичных текстов, а тем самым – *жанры* вторичных текстов, и, соответственно, существующие классификации вторичных текстов здесь не рассматриваются по одной причине: различные типы вторичных текстов гораздо лучше описаны в лингвистической, шире – филологической традиции. Естественно, и *рецензия*, и *компиляция*, и *паро-*

дия, с одной стороны, жанры, причем вторичные, с другой – вторичные тексты, однако, например, нельзя говорить, что *отзыв оппонента* относится к *диссертации*, на которую он написан, как вторичный жанр к первичному: диссертация сама является вторичным РЖ.)

Из работ последнего времени, где решаются эти вопросы, следует назвать докторскую диссертацию Е. В. Бобыревой [4], посвященную религиозному дискурсу (на материале текстов *молитв, проповедей, акафистов, притч, псалмов, пасторских обращений, хвалебных молитвословий* на русском и английском языках). Исследовательницей проанализированы жанры и отдельные внутрижанровые коммуникативные стратегии религиозного дискурса, среди которых ею выделяются по признаку прямой либо ассоциативной связи с исходным библейским текстом первичные жанры религиозного дискурса (*псалмы, притчи, молитвы*) и вторичные жанры (*проповеди, исповеди*). Как видим, исследовательница имеет в виду жанры, прямо и опосредованно связанные с текстом Библии, однако при таком делении речевых жанров религиозного дискурса на первичные и вторичные Е. В. Бобырева, думается, значительно отходит от принципов, сформулированных Бахтиным, который, по-видимому, вообще исключал возможность выделения жанров на основе текстовой тематики (в частности, трудно согласиться с тем, что *притча* – это первичный РЖ, а *молитва* – вторичный).

Подчеркнем, что в большинстве существующих классификаций противопоставление вторичных РЖ основано на том, какого рода связь сохраняется у вторичного жанра с соответствующим первичным (возможен ли «возврат» к первичному жанру или данная связь существует только на периферии жанрового сознания коммуникантов – как своеобразная «память жанра»), т.е. строятся на диахроническом или синхроническом основании.

С этой точки зрения, могут быть выделены три разных направления, в которых решается проблема первичных и вторичных речевых жанров в жанроведении.

1. Первое направление, наиболее близкое по духу к идеям Бахтина, понимает вторичный РЖ как онтологически производный от первичного [3 ; 4 ; 7–14]. Вторичный РЖ отличает от первичного сфера функционирования, или стилистическая обработка. Так, согласно Н. В. Орловой, одним и тем же речевым словом обозначаются *признание в суде и признание в любви; исповедь в церкви, исповедь, адресованная близкому человеку, и исповедь как жанр публицистики* (ср. «Исповедь на заданную тему» Б. Н. Ельцина). В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Ср. *бытовую угрозу и ультиматум, просьбу и ходатайство*, речевые действия, выра-

жаемые глаголами *порицать и ругать*. «Очевидно, – пишет Н. В. Орлова, – что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного <в РР> и вторичного <в книжных стилях> жанров М. М. Бахтина» [15 : 51–52]. В отношениях первичных ~ вторичных речевых жанров состоят, например, *молитва* и *просьба; шутка*, бытующая в разговорном общении, и книжные *бурлеска* и *велеризм* (см. [16]); экзаменационный и риторический вопросы – и *информативный диалог* (make-know discourse); *обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины* (make-believe discourse) – и «Диалог» Платона [17 : 52–53]. В работе [18] доказывается генетическая производность *опровержения* в институциональном дискурсе от *возражения* в обиходном дискурсе. Вл. Барнет усматривает «отношения производности» между письменными и соответствующими устными жанрами научной речи (например, жанр устного реферата можно рассматривать как производный от жанра письменного реферата): «Со значительными ограничениями такое утверждение действительно применимо к отношению “раздел монографии – лекция”, “рецензия – дискуссионное выступление” и вызывает сомнение в отношении пары “инструкция – консультация”, отношение которых является в значительной степени свободным» [19 : 129].

Думается, можно считать доказанным, что новая сфера общения всегда порождает вторичные РЖ.

В то же время нам представляется, что меняется не столько сфера, сколько общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями. Есть все основания полагать, что наши предки в дописьменный период не различали РЖ *спор* и *ссора* (по данным диалектологов, это свойственно и современным носителям диалекта [20]). Впрочем, за это время *спор* настолько отошел от *ссоры*, что уже не воспринимается как вторичный РЖ. Вполне возможно, что подобные отношения связывают *брань* и *рукоприкладство, комплимент* и *поцелуй, извинение* и *объяснение, поздравление* и *зов*. Связь *молитвы* с *благодарностью* или *просьбой* уже гораздо более очевидна, тем более – *дипломатической ноты* с *угрозой, дружеской лирики* (например, А. С. Пушкина) с *дружеской беседой*.

По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения – близость, статус; канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло со *светской беседой*, если сравнить ее с *болтовней* или *сплетнями*, или с жанрами виртуального общения (*блог, форум, чат*), если сравнить их с *перепиской, дневником, обменом записочками, наконец, дружеской беседой*). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает, порождает один или целую серию запретов.

Меняться могут и более абстрактные вещи, например, само представление о межличностной

близости, автономии и других правах и потребностях личности, уважении к собеседнику, допустимом и недопустимом, «хорошем» и «плохом» в речи.

2. Вторичный РЖ понимается как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт). Многие современные исследователи видят в РЖ тип не высказывания, а текста, рассматривают текстовую структуру разных жанров и выделяют, в зависимости от степени сложности этой структуры, типы жанров: например, М. Ю. Федосюк выделяет «элементарные» и «комплексные» жанры [21 : 104], А. Г. Баранов [22 : 8] и Ст. Гайда – «простые» и «сложные» [23].

В этой связи ср. схему, которую М. Н. Кожина предлагает по вопросу о соотношении РЖ и РА: РА и первичный РЖ (как элементарные речевые единицы при первом шаге, ступени анализа речи) → вторичный РЖ (как сложный РЖ, исследуемый на следующей ступени анализа речевого континуума и проблемы речевых жанров) [24: 59]. Эта схема приводит исследовательницу к выводу, что положение о том, что РЖ есть отечественный аналог РА, лишь в какой-то мере справедливо относительно первичных РЖ, но не вторичных.

В данном направлении вторичность РЖ понимается, в общем, как аспект структуры жанра, а именно: как сложность данной структуры. Именно «композиция РЖ» (согласно Бахтину, – «определенные типы построения целого, типы его завершения, типы отношения говорящего к другим участникам речевого общения» [1 : 179]) традиционно считалась важнейшим аспектом высказывания. Данное направление жанроведения активно использует достижения лингвистики текста, в которой РЖ обычно понимается как системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом.

3. Третье направление относится ко второму примерно так же, как в лингвистике текста модели «вертикального» типа, обеспечивающие цельность текста, относятся к «горизонтальным» моделям, обеспечивающим, главным образом, связность речевых произведений.

Данное направление связывает первичные и вторичные РЖ с уровнями абстракции текстовой деятельности. Так, А. Вежбицка говорит о «речевом жанре», «речевом акте», «иллюкутивном компоненте» [25 : 109]. А. Г. Баранов предлагает иерархию из пяти моделей: «текстотип», «суб-тип», «жанр», «когнио-тип», «текст» [22]. К. Ф. Седов опирается на иерархию из трех сущностей («гипержанр», «жанр», «суб-жанр») [26].

Очевидно, что у этих трех пониманий вторичного РЖ, существующих в современном жанроведении, отношение к вторичным текстам / интертекстуальности имеет только

первый – диахронический, который, повторыем, наиболее соответствует духу концепции Бахтина.

Ср. систематизацию концепций вторичного РЖ, приводимую в кандидатской диссертации Н. Б. Рогачевой: деление на синхронные и диахронические вторичные РЖ является центральным в данной систематизации:

1. **Диахроническая** речевая вторичность предполагает отношения последовательности во времени между первичными и вторичными жанрами. К данному типу относятся следующие модели, изучаемые лингвистами:

1.1. противопоставление речевых и риторических жанров (по О. Б. Сиротининой): первые используются спонтанно, вторые предполагают сознательное планирование, «выстраивание» речи и отбор языковых средств;

1.2. противопоставление выучиваемых и невыучиваемых жанров (по К. Ф. Седову);

1.3. противопоставление жанров «верхнего» (жанры официального общения) и «нижнего» (жанры повседневной, бытовой коммуникации) уровней текстовой деятельности (Ю. М. Лотман, К. Ф. Седов);

1.4. противопоставление прямых и косвенных жанров.

2. **Синхроническая** речевая вторичность предполагает различия между первичными и вторичными жанрами не в историческом, а в структурном аспекте:

2.1. противопоставление текста (сложного, вторичного РЖ) и высказывания как его компонента (простого, первичного РЖ); соответственно выделяется особый тип вторичных РЖ – сложные компонентные вторичные речевые жанры;

2.2. противопоставление речевого жанра и речевого акта;

2.3. противопоставление монологической и диалогической форм речи;

2.4. выделение жанров и жанровых явлений разных уровней абстракции текстовой деятельности [5 : 4–6].

В целом решение проблемы вторичных РЖ имеет большое объяснительное значение для более общих вопросов лингвистики / филологии – истории языка, отношения языка и речи / коммуникации, отношения речи художественной и нехудожественной. Вторичные РЖ оказываются необходимым объясняющим инструментом при обращении к истории языка, истории речи и коммуникативной культуры.

История РЖ (и история языка), несомненно, относится к актуальным проблемам теории речевых жанров. Само по себе исследование эволюции жанра является исследованием по истории языка: можно проследить во времени и конвенционализацию различных жанровых форм, и – тем самым – становление явлений, концептуализирован-

ных лексикой и грамматикой языка из первоначальных синкретических коммуникативных смыслов. Ср. у М. М. Бахтина: «Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, – это приводные ремни от истории общества к истории языка. Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [1 : 165].

Исторически речевая системность всегда предшествует языковой, т.е. язык в целом идет ЗА жанрами (ср. положение Соссюра о том, что исторически речь всегда предшествует языку [27 : 57]). Изменения появляются и закрепляются вначале как речевые / жанровые правила. Затем конвенционализированные узуальные формы могут перейти в языковую норму. Так, конвенциональные косвенные просьбы – это уже «почти язык»: «Прагматические значения, которые получают языковые элементы речи, имеют тенденцию к закреплению, поскольку людям свойственно в своей речевой мыслительной деятельности использование динамического стереотипа. Благодаря узусу прагматическое значение закрепляется как одно из значений данного языкового элемента в социуме. Это значение может быть переносным с семантической точки зрения, но прямым, не косвенным – с прагматической, так как его использование определяется уже не только конкретными условиями данного акта речи» [28: 565].

Критика с этой стороны «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой, включающей лишь параметр «языковое воплощение РЖ» [29], в определенном смысле совпадает с критическим замечанием Ю. М. Лотмана в адрес «семиотической модели языка» Р. Якобсона (согласно этой модели, язык тождествен «коду»). Мнение Ю. М. Лотмана таково, что язык – это код плюс его история: «Фактически подмена термина “язык” термином “код” совсем не так безопасна, как кажется. Термин “код” несет представление о структуре, только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т.е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще» [30 : 13]. Изучение одного только «языкового воплощения РЖ» в современной речи значительно обеднило бы понимание РЖ, поскольку такое изучение по сути ориентировано на искусственный язык, идеальную модель языка. Зато много информации в этом плане предоставляют нам историко-культурные и этимологические данные

[31 ; 32 : 103–117], что вновь возвращает нас к проблеме интертекстуальности.

2. Вторичный РЖ как метафора

В теоретическом плане данное сближение представляется оправданным: диахронические вторичные РЖ, у которых отношение между вторичным и соответствующим первичным жанром может быть понято как изменение во времени, некий процесс, у которого могут быть усмотрены и причины, и более или менее объективные основания, и определенные механизмы, действительно близки к феномену *метафоры* (где отношение между переносным и соответствующим прямым значениями тоже может быть представлено как диахронический процесс).

Как отмечает Н. Б. Рогачева, исследующая вторичные РЖ интернет-коммуникации и сравнивающая их с соответствующими первичными РЖ неинтернет-коммуникации, когда носитель языка вступает в интернет-коммуникацию и начинает осваивать ее жанровые нормы, в его сознании уже существуют модели жанров неинтернет-коммуникации, т.е. его первичная речежанровая компетенция включает знание о правилах общения в рамках таких жанров (даже если человек никогда не пользовался некоторыми жанрами, например, не вел дневник, не писал «бумажных» писем и т. п.). Соответственно, освоение правил и норм жанров новой сферы осуществляется через призму первичной речежанровой компетенции, в результате чего формируется отчетливая связь между первичными жанрами неинтернет-коммуникации и вторичными жанрами интернет-коммуникации – «память жанра». Эта «память жанра» наиболее очевидно проявляется тогда, когда для именованных новых вторичных жанров используется то же слово, что и для старых, например, рус. *интернет-дневник*, *Живой Журнал*, англ. *web log*, *Live Journal*, *chat* (первонач. ‘болтать’ или ‘болтовня’). Более опосредованно и менее очевидно эта связь, отношения производности проявляются на абстрактном уровне речевых структур, моделей. [5 : 5].

Поэтому при изучении диахронических вторичных РЖ использование некоторых положений и методик теории метафоры, гораздо более детально разработанной в лингвистике (прежде всего – в лексической семантике), представляется полезным, причем не только с точки зрения собственно номинации, т.е. при осмыслении имен соответствующих жанров, но и при выявлении и систематизации многих текстовых и коммуникативных речежанровых моментов.

Покажем это на примере одного явления, которое, с одной стороны, в новейший период существенно расширило границы своего исконного бытования (тем самым с неизбежностью трансформировалось – а поскольку

это изначально было явление речежанрового типа, развились вторичные РЖ); с другой стороны, в номинации данного явления развились многочисленные и разнообразные метафоры.

Имеем в виду метафоры выражения *по душам*, которые интересно и полезно рассмотреть в связи с трансформациями называемого ими явления – жанра *разговора по душам*.

Материалом послужили публикации в современной русской прессе (российские и русскоязычные зарубежные издания), собранные и обработанные при помощи корпусно-поисковой системы Integrum (6328 источников за период с 1992 по 2009 гг.). Система выдала **29965** контекстов с *по душам*, значительную часть которых представляют метафоры.

Анализ показывает, что выражение «*по душам*» наиболее регулярно используется в переносных, метафорических значениях по отношению к сферам, формам и типам общения, существенно **отличающимся** от жанра *разговор по душам*, организованного следующими доминантами: это гармоничное общение, принадлежащее неофициальной сфере непосредственной устной спонтанной коммуникации, основная коммуникативная цель которого состоит в установлении или укреплении межличностной близости, моральной поддержке, обмене важной личностной информацией. Соответственно, если посредством выражения *по душам* называются типы общения, принципиально отличающиеся от организованного данными доминантами, то это **метафоры**. Следует подчеркнуть, что выражение *по душам* в этом значении мы рассматриваем терминологично, несмотря на асимметрию обиходного и терминологического значений слов: от обиходного значения сочувственного, проникновенного и умильного взаимопонимания с определенным подтекстом производно терминологическое значение одного из речевых жанров. Такая асимметрия – распространенное у имен речевых жанров явление, при этом связь между номинацией, лежащей в основе термина, и самим термином может теряться [33]. В выражении *по душам*, кроме того, терминологическая сложность усиливается тем, что по происхождению это образное выражение, в свою очередь, основанное на метафорическом употреблении лексемы *душа*.¹

¹ О том, что при осмыслении и метафорическом переосмыслении выражение «*по душам*» выступает как интертекстуальный феномен, свидетельствуют следующие контексты, где *по душам* фактически приравнивается к прецедентному тексту через средство выражений *как говорится / что называется* (в примерах ниже немаловажную роль при записи играют и кавычки):

А заодно – воспользоваться моментом и просто поговорить, что называется, по душам с вдумчивым, основательным человеком. Юрий Заболев: «Мы – бурлаки на Лене». Наше Время (Якутск); 28.12.2007;

• Так, по-видимому, нельзя считать ни метафорой, ни метонимией случаи, когда РпД используют, пытаясь таким образом чего-то добиться от собеседника (начальника, чиновника): например, РпД – почти идеальное средство установить гармоничные, доверительные отношения:

Хорошее время для визитов к начальству: безобидный разговор «по душам» с шефом поможет ему составить о вас вполне благоприятное впечатление. Коммерсантъ-daily; 14.08.1998.

Кроме того, РпД могут использовать сами представители власти, «общаясь с людьми из народа», например, чувствуя ветерана, национального героя:

Президент отложил все дела, чтобы провести Александра Исаевича, поговорить с ним по душам. Солженицын решил потратить 5 млн на благотворительность. Комсомольская правда; 14.06.2007.

• Точно так же, по замыслу автора газетного текста, выражение *по душам* используется в прямом значении для обозначения коммуникации с **нерусскими** участниками (прежде всего представителями западных культур), хотя читатель таких текстов – как «западный человек», так и русский, имеющий хотя бы минимальный опыт межкультурной коммуникации и знающий, что в этих культурах нет близких аналогов русского *разговора по душам*, – возможно, воспримет такую номинацию как метафору.

• В этом смысле следует различать использование выражения *по душам* по отношению к коммуникации, проводимой русским коммуникантом с собеседником-иностранцем, – трансформация значения *по душам* в таких случаях может быть минимальна, особенно если последний понимает национальную специфику русского жанра:

Драматургия инсталляции продумана Кабаковым столь точно, что именно в третьем вагоне, где звучат самые упоительные голоса, даже сто-процентный иностранец, не знающий русского, испытывает неодолимую тягу присесть, поговорить по душам с соседями и остаться навсегда в этом раю, который так внезапно обнажил для него свою райскую сущность. Выставка в Центре Помпиду в Париже. Коммерсантъ-Daily; 30.05.1995.

• Другой случай – использование выражения *по душам* для обозначения коммуникации, проводимой одними нерусскими участниками: так, например, Кортни Лав, Мадонна и др., возможно, удивились бы, узнав, что их речи названы посредством *по душам*:

А народная артистка Римма Маркова с присутствующим ей темпераментом и обостренным чувством справедливости беседовала со зрителями, как говорится, по душам. По долгу памяти. Горожанин (Тверь); 19.12.2006.

А Кортни Лав, вдова печально известного лидера «Нирваны» Курта Кобейна, признавалась, что они с Майклом подолгу «беседовали по душам». Солиста INXS Майкла Хатченса сгубила женщина. Вечерняя Москва; 10.07.2008;

А вот Мадонна – та любила поговорить по душам. Коммерсантъ-Daily; 23.03.1996.

В этом смысле показательно противопоставление двух типов контекстов с *по душам*, описывающих встречи Президента России с западными правителями: в одних случаях намерение «*поговорить по душам*» с Бушем, Берлускони и др. проистекает от Президента России (такие контексты выглядят в целом нормально, хотя читатель может увидеть в них некоторую наивность Президента, что, надо думать, не предполагалось автором текста), в других – эта фраза уже вкладывается в уста **западных** партнеров (контексты такого типа могут вызвать улыбку уже не только у специалистов по межкультурной коммуникации, хотя простодушный журналист, скорее всего, не чувствовал разницы):

Не исключено, что, когда Владимир Путин придет 1 июля на семейное ранчо в Кеннебанкпорте (штат Мэн), чтобы поговорить по душам с Джорджем Бушем, будут обсуждаться гарантии безопасности Путина после его ухода от власти. Россия и Запад: Запад поверил, что Путин уйдет. Ведомости; 14.06.2007;

Дж. Буш: «Мне нужно вновь встретиться с Президентом Путиным, поговорить с ним по душам...» Аргументы и факты; 05.04.2006.

• Трансформация исходного значения *по душам* идет еще дальше, и значение становится **метонимическим**: теперь разговаривать *по душам* можно не только с европейцами, но и с Европой:

Путин поговорит с Европой по душам. Комсомольская правда; 20.10.2006;

Потому что если у России и западных стран при всех разногласиях хотя бы понимание «неформального» совпадает, то с Пекином разговора по душам уж точно не получится. «Восьмерке» некуда расширяться. Время новостей; 13.07.2006.

(Строго говоря, в метонимическом значении здесь использованы слова *Европа*, *Пекин*, однако и *разговаривать по душам* здесь подверглось значительной содержательной трансформации, которую мы, несколько нетерминологично, тоже предлагаем называть метонимической.)

• Особый тип представляют ситуации **публичного**, обычно **институционального** общения, когда «*разговор по душам*» ведут политики с «народом» (например, депутат, отвечающий на вопросы своих избирателей), писатели, поэты сатирики, актеры и т.д. – со зрителями со сцены, ведущий телепередачи – с приглашенными, зрителями, присутствующими

в аудитории, телезрителями. Во всех этих случаях имеет место **вторичный** РЖ (если первичный – непосредственный РпД двоих):

Это даже не пародии в привычном понимании, а просто разговор по душам – легкий и непринужденный, сродни посиделкам на завалинке. Пародия жила, живет и жить будет. Вечерняя Москва; 15.08.1996;

Удачный образ парня-рубачи из российской глупинки, который сначала запросто по душам беседует со зрителями, а потом свою болтовню мастерски переводит на сложный язык современного танца, найденный им в «Несоло» несколько лет назад, пригодился и в новом спектакле «Нейросчастье». Коммерсантъ; 15.12.2008.

• По-видимому, то же самое можно сказать о контекстах, представляющих **религиозный** дискурс, когда посредством выражения *по душам* называется общение священника с паствой – и человека с Богом:

Но для большинства прихожан в наших глухих местах главное – не мои вокальные данные, а разговор по душам. Как модный столичный художник стал деревенским священником. Аргументы и факты; 06.05.1998.

Как показывает материал, «*по душам*» выступает в переносном значении, когда речь идет о различных формах и видах **дисгармоничного** общения: агрессивного, конфликтного, а также **официального** (прежде всего дисгармонично-официального, типа *допроса*) и **манипулятивного**.

В то же время было бы преувеличением утверждать, что **все** случаи такого употребления выражения *по душам* представляют метафоры – многие случаи использования *по душам* по отношению к ситуациям общения, отличающимся от типа, определяемого названными выше доминантами, относятся не к метафорическому, а к **метонимическому** типу семантического переноса, а некоторые из них вообще представляют собой **прямые** значения *по душам*, естественным образом проистекающие из сложной, противоречивой природы данного коммуникативного феномена.

В самом общем виде могут быть противопоставлены два типа использования выражения *по душам* для наименования дисгармоничного общения: когда посредством *по душам* называют нечто другое (например, *допрос*, где нет таких важнейших составляющих РпД, как неофициальность, равноправие, добровольность), хотя и можно усмотреть некое «сходство», то это **метафора**; когда общение становится дисгармоничным в силу действия тенденций, заложенных в самой природе РпД (*спор*, *ссора*, *истерика*), то это **не метафора**.

• **Метафорические** значения *по душам* развиваются на основе «непрямых» / несобственных **употреблений** РпД – начиная с ситуаций, когда

выражение *по душам* использует прокурор, следователь для обозначения коммуникации типа *допроса, провокации* и подоб., например:

Пропажу вовремя заметили, прокурор района Николай Боткин побеседовал с девушкой по душам и сумели «расколоть». Место преступления – прокуратура. Молодой коммунар (Тула); 12.07.2006.

В результате анализа контекстов мы можем выделить несколько **важнейших смысловых компонентов** «по душам», на базе которых данное выражение развивает переносные, метафорические значения.

- РпД – разговор о **важном** (даже главном): говорящий открыто, охотно, в полном объеме и без утаивания делится с собеседником важной для себя **информацией** (отсюда использование *по душам* для метафорической номинации допросов и подоб.):

Следователи Генпрокуратуры давно лелеяли мечту вернуть Бориса Абрамовича на родину и «поговорить с ним по душам». Березовский гамбит. Наша Версия (Москва); 29.01.2007.

- С другой стороны, РпД – это и возможность донести что-то важное до сведения собеседника, заставить его **внять, услышать** себя (ср. *Давай выйдем?*):

Приставляет нож к горлу и тянет в подъезд: пойдём, мол, дорогуша, поговорим по душам. Караван историй; 06.02.2006.

- «По душам» обычно говорят **«со своими»**; отсюда может развиваться метафорическое значение «секретный разговор» для «своих»:

Подъезжали и ко мне с «разговорами по душам», предложениями быть «помягче», «поуступчивее». Владислав Шурыгин. Завтра; 20.11.2001.

- РпД – разговор об **отношениях**, которые выясняются до конца, трудно и иногда нелицеприятно (именно от этого значения производно большинство используемых с *по душам* речевых слов метафорического происхождения: *разобраться, перетереть*):

Молодой человек, влюбленный в девушку легкого поведения, попытался поговорить «по душам» с ее сутенером. «С отчаяния резал всех подряд». Известия (Москва); 30.12.2003.

- Основой метафорического переноса может стать такое качество РпД, как **отсутствие** в нем некоторых или большинства действующих в обычных условиях **условностей и ограничений**: прежде всего, официальности, а также многих этикетных, институциональных рамок – отсюда *по душам* могут назвать и пьяный бред, и драку:

Рассказывает лагерный авторитет Иван Лукьянов по кличке Чадо (Донская ИТК Тульской области) ... Пока я в БУРе парился, с карасем тем поговорили по душам, я уже не помню по старости, на него что-то такое упало, три месяца в зоне нос не казал. Этого парня у нас любили. Вечерняя Москва; 03.08.2000.

- Посредством *по душам* может быть названо любое партнерское взаимодействие (речевое и неречевое), требующее **взаимопонимания и взаимопомощи**, а также **гармоничное и приятное**:

Потанцевали «по душам». Газета (Москва); 17.03.2006.

- РпД **приятен** – отсюда при помощи *по душам* может быть названо просто что-то доставляющее удовольствие: *сигарета, еда, кофе, спиртное*:

Никита Михалков решил пообедать по душам. Коммерсантъ; 10.10.2005.

- **Отношения** между собеседниками **хорошие** – либо **улучшаются** в процессе разговора, близость увеличивается – отсюда через *по душам* может быть названо просто хорошее отношение к чему-то, «общение» с **животными**:

Например, поговорить по душам со своей собакой или кошкой. Секрет хорошего настроения. Вечерняя Москва; 16.02.2007.

- В этом смысле нет ничего невозможного и в разговоре *по душам* с неодоушевленными объектами:

Неплохо провести время, можно и забравшись в напольные часы, внутрь деревянной коробки, служащей убежищем колесикам и рычажкам, с которыми поболтать по душам одно удовольствие. Марина Дроздова. Базовые модели. Искусство кино; 15.03.2007.

- В целом для РпД характерно говорить на «высокие», нравственные темы; поэтому метафоры обыгрывают неуместное морализаторство (например, нравоучительный разговор того же прокурора с подсудимым):

Подобный старый обкатанный метод обычно применяется для освобождения от «враждебного окружения», и, оставшись один на один, чиновники стараются психологически надавить, а если не получается стремятся «запудрить мозги» и затянуть «разговор по душам», который обычно ни к чему не приводит. Женщины Уралья провели акцию протеста прямо в 8 марта. ЦентрАзия; 10.03.2006.

- Еще один источник метафоры состоит в том, что РпД – общение **фатическое**: например, когда в рабочее время сотрудники, вместо того чтобы вы-

полнять непосредственные служебные обязанности, разговаривают о «постороннем», использование выражения *по душам* применительно к такой ситуации (*Хватит этих разговоров по душам в рабочее время!*) есть метафора:

Когда я работала с московскими менеджерами, я просто умоляла их не говорить «по душам» с местными сотрудниками, а передавать информацию через меня». Комсомольская правда; 21.02.2006.

• Наконец, посредством *по душам* может быть названа попытка (обычно неудачного, но не всегда) **ухаживания** или **флирта**:

Но если честно, «Пропаганду» любят не за Санчеса, а за хорошеньких официанток, которые всегда готовы поговорить по душам и легко соглашаются на свидания после работы. Клубы, стриптиз, казино, ген! Афиша; 11.08.2000.

Отмеченные особенности семантической структуры выражения *по душам*, развитие переносных значений обусловлены, с одной стороны, собственно лексической семантикой, местом данного концепта в лексической системе русского языка, с другой – иллюкутивно-коммуникативной семантикой речевого жанра *разговор по душам*.

Таким образом, если отношения интертекстуальности (между первичным и вторичным текстом) представляют собой «метафору обмена репликами в диалоге», вторичный РЖ в этом отношении не метафора диалога между первичным и вторичным жанром (такого диалога нет), но вторичный РЖ – метафора в другом, причем гораздо более традиционном смысле, чем интертекстуальность: номинативном (примеры с метафорами *по душам* это хорошо показывают).

3. Интертекстуальность и речевой диалог

К интертекстуальности имеет отношение не только метафорическое переосмысление идиом и паремий (таких как *по душам / разговор по душам*) (тем самым оформляющее развитие вторичных речевых жанров несомненно диахронического типа), но и речевой история нарратива, а именно: формирование вторичных жанров на базе тех первичных, в основе которых лежит *рассказывание текстов*, особенно – неоднократное рассказывание (принцип «рассказа-пластинки»), которое, с одной стороны, закрепляет и уточняет в сознании ассоциацию с данным текстом, с другой – закрепляет, фиксирует и оттачивает текстовые формы соответствующего рассказывания – вторичного жанра.

Видимо, так рождаются *анекдоты* (при этом часто показателем того, что анекдот

уже «готов», служит то, что связь с исходным текстом – как и быстротекущим событием реальности – перестает осознаваться; хотя в процессе становления анекдота данная интертекстуальная связь была важна); так же порождаются некоторые более «компактные» жанры комического, например *прозвища* (связь с анекдотом может сохраняться и при полноценном функционировании его фрагмента как прозвища; а может и не сохраняться).

Примером первого типа может послужить история, которую вспоминает известный лингвист и жанровед К. Ф. Седов:

«Анекдот всегда пуповиной связан с реальным фактом <...>, с другими жанровыми формами повседневной коммуникации. В идеале реальный факт, прежде чем стать анекдотом, должен пройти испытание последовательно в жанрах рассказа и сплетни. Для иллюстрации можно привести пример анекдота, появлению на свет которого способствовал <автор>. Где-то больше двадцати лет назад в маленьком городке в Саратовской области по аллейке бегал очень шустрый маленький трехлетний мальчик – племянник автора. Мальчик поймал бабочку, оторвал у нее крыло и заявил своему отцу:

– Я бабочек ловитель и их убиватель.

– Ну, ты, брат, садист, – сказал ему папа.

– Нет, я не садист, а ходист. Вот приду домой, сяду на горшок и буду садист.

Отец мальчика (филолог по образованию и судьбе) передал автору (тогда еще студенту филологического факультета) содержание диалога с сыном. Тогда же этот рассказ был записан в качестве забавного (с точки зрения языковой игры) случая. Много позже, когда я стал читать в вузе курс лекций по психолингвистике, рассказ этот стал тиражироваться в качестве примера детского словотворчества. Однажды он, для смеха, был приведен в рамках застольной беседы, где присутствовали в основном лингвисты-профессионалы. Интересно, что никто из участников застолья не поверил в то, что речь идет о ситуации, имевшей место в реальности. Тем более, что сам рассказчик не был свидетелем и участником описываемого диалога. Так рассказ превратился в молву, сплетню – недостоверную информацию из вторых рук о действующих лицах, которые незнакомы другим участникам общения. После этого случая не имело смысла настаивать на реальности рассказываемого случая. Речь теперь шла о некоем маленьком мальчике и т. д. Реальный факт, побывав последовательно рассказом, сплетней, наконец, воплотился в анекдоте» [34 : 137].

Приведем пример из сферы современных политических анекдотов, темой которых яв-

ляется Д. А. Медведев (Президент РФ в 2008–2012), и прозвищ Медведева¹:

Анекдоты и прозвища по-разному представляют мир – реальный и фантастический, художественный. В анекдотах, где всегда «рассказываются истории», происходят события, пусть очень своеобразные, абстрактные, преобладает представление реального, а не фантастического мира. С другой стороны, в анекдоте «рассказывание истории» может становиться самоценным, тогда персонаж выступает своеобразной переменной функцией. Так, в некоторых анекдотах вроде бы «про Медведева» он выглядит совершенно случайным и неузнаваемым. С прозвищами такого не происходит.

Анекдотов больше, чем прозвищ, и появляются они чаще, это вообще гораздо более мобильный жанр, что подтверждает вся новейшая история российской неофициальной словесности. Анекдоты всегда обладали способностью очень чутко реагировать на все сколько-нибудь значительные события. В советское время, как известно, оперативность анекдотов была сопоставима с оперативностью СМИ и даже превосходила ее: люди зачастую узнавали о реальных событиях, положении вещей в стране и мире не из газет и телевидения, а из анекдотов [35 : 294].

Это «генетическое» качество русского народного анекдота в полной мере проявилось и в анекдотах про Медведева: в приблизительно 600 рассмотренных нами анекдотах отражено множество крупных и мелких событий в стране и мире, произошедших за четырехлетний срок правления Медведева, общественных кампаний, акций этого периода, культурных артефактов. В них фигурирует целый ряд исторических лиц: иностранные лидеры (Папа Римский, Буш, Обама, Меркель, Саркози, Ющенко, Тимошенко, Янукович, Саакашвили, Бурджанадзе), российские политические деятели (Кудрин, Шойгу, Лавров, Сечин, Сурков, Сердюков,

Грызлов, Жириновский, Лужков, Собянин), олигархи (Ходорковский, Березовский, Абрамович), артисты, музыканты (Пугачева, Безруков, Хабенский, Билан), журналисты (Познер, Леонтьев, Собчак), спортсмены (Хиддинк, Аршавин, Каспаров, Исинбаева).

Среди событий, отраженных в анекдотах, выделяются крупные, имеющие большое значение или для мира в целом (мировой экономической кризис, войны в Южной Осетии, Ливии, Сирии, олимпиады в Пекине, Ванкувере), или преимущественно для России (выборы в Думу, митинги в Москве в 2011–2012, лесные пожары в 2010, падение ракет ГЛОНАСС и «Фобос-грунт»).

Как и следовало ожидать, в центре внимания анекдотов про Медведева – события, реформы, исходящие от самого Медведева: реформирование милиции в полицию, сокращение числа часовых поясов, строительство Сколково, снятие с должностей мэра Москвы Лужкова и министра финансов Кудрина. В ряде анекдотов обыгрываются конкретные выступления, указы Медведева, его поездки за рубеж и по России, договоры и т. д., например, визит на Украину после избрания Януковича президентом, в Силиконовую долину, где российский президент встречался со Шварцнеггером и Стью Джобс подарил ему iPhone-4. Отражены даже мелкие события: то, что Медведев управлял КамАЗом и комбайном, вместе с Путиным нырял за амфорами, наконец, пропажа кота Медведева Дороефа в 2012 г.

Конечно, прозвища не способны на такую оперативность. Чтобы прозвище сложилось – осуществилась обкатка в речи, закрепление в языке, – должно пройти какое-то время. Поэтому прозвища почти не бывают «злободневными». Но по этой же причине анекдоты и гораздо менее долговечны, и быстрее забываются – вместе с событиями, что тоже сближает их со СМИ.

Это определяет тип базового механизма языковой игры в анекдотах и прозвищах, где оба по сути интертекстуальны и состоят в эмоциональных ассоциациях с лингвистическими (текстовыми) единицами: прозвища тяготеют к прецедентным текстам, набор которых у носителя языка относительно стабилен и устойчив, анекдоты – к «просто» текстам, за которыми стоят быстротекущие события.

В то же время границы между анекдотами и прозвищами иногда нежесткие, как и границы с другими жанрами юмористического дискурса. Многие прозвища первоначально появляются в виде анекдотов. В этом отношении анекдоты и прозвища можно понимать как две разные стадии общего процесса, когнитивная природа которого состоит в осмыслении, обобщении и типизации смешного, а лингвистическая – в идиоматизации, то есть превращении текста (или другого феномена сложной знаковой природы) в один неделимый знак – символ [36 : 37].

Показательно, что именно анекдоты про Медведева – один из наиболее востребованных источников прозвищ Медведева. Это хорошо показывает

¹ Включаем в «прозвища» только номинации / характеристики, которые отвечают требованию реального использования в Интернете, а именно: встречаются минимум в двух разных интернет-текстах, принадлежащих разным авторам. К анекдотам мы не предъявляли такого требования: нам было достаточно, чтобы данный текст хотя бы один раз появился в Интернете в соответствующем разделе. Было рассмотрено около 600 анекдотов, скачанных с 10 интернет-сайтов:

http://www.umoru.net/anedoty/pro_medvedeva.html
http://www.anekdot.net/anedoty/pro_medvedeva.html
http://эльбан.рф/publ/pro_medvedeva/13
<http://aneki.infoperm.ru/medvedev>
<http://www.zu.by/tag/medvedev/>
<http://www.anekdot.ru/tags/%CC%E5%E4%E2%E5%E4%E5%E2>
<http://www.lenpravda.ru/anedkot/?page=1>
<http://000a.ru/a/tag/186/>
http://www.starybarin.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=271&Itemid=147
<http://lib.guru.ua/ANEKDOTY/anec1001.txt>

генетическую близость лингвистических механизмов, используемых в прозвищах и анекдотах, а именно: путь от прецедентного текста (анекдот) к афоризму и символу (прозвище).

Ср. анекдот, который появился на сайте <http://anekdot.ru> в августе 2010 г.:

Дмитрий Медведев завел свой блог в ЖЖ. Теперь он – LJ-Дмитрий.

и прозвище *LJ-Дмитрий*, которое реально используется в Интернете (см., например, блог: <http://veselyi-gnom.livejournal.com/>).

Прозвища потенциально более способны к закреплению в языке, однако и анекдоты такую способность имеют (часто – через последующую трансформацию в прозвища же). Ср. следующие анекдоты:

В марте 2012 года в России заканчивается премьера продолжения советского мультфильма «Домовёнок Кузя» – «Твиттерёнок Дима»...

Тост – Выьем за ДАМ! получил второй смысл, и вставить теперь должны и женщины...

– Медведев это преемник? – Нет, прямо-передатчик.

– А Владимир Владимирович примет нас сам или через своего суррогата?

Разные прозвища обладают разной степенью идиоматизации: максимальная соответствует однословным (реже двусловным) прозвищам, низкая – многословным, описательным, которые как бы занимают промежуточное положение между юмористическими текстами (анекдотами), претендующими на афористичность, и собственно прозвищами. Показателями высокой степени идиоматизации также могут выступать способность прозвища использоваться в непредикативной функции (ср. последний пример), использование в написании прозвищ заглавных или маленьких букв, кавычек. В целом написание прозвища с маленькой буквы и без кавычек свидетельствует о большей идиоматизации – ср. прозвища Медведева в разных контекстах: «Айфончик», Айфончик, айфончик и «айфончик».

4. Нейтрализация различий в лингвистической и нелингвистической рефлексии

До сих пор обсуждались в основном теоретические проблемы различий РЖ (прежде всего вторичных) и вторичных текстов как интертекстуальных феноменов. На практическом же уровне (а также в соответствующей части коммуникативной компетенции носителей языка) представления о РЖ и вторичных текстах как интертекстуальных феноменах нередко смыкаются и становятся почти неразличимы. Прежде

всего это касается такого типа вторичных текстов, как **прецедентные тексты** (хотя, конечно, не только их). Этому способствует, с одной стороны, широкая распространенность прецедентных текстов, по сравнению с другими типами вторичных текстов, с другой – стандартизованность, свертывание текстовых структур фактически до уровня одного символа.

Представленность РЖ и прецедентных текстов в наивной языковой картине мира ярко отражена, например, в языковой игре, а именно: в целой серии новых популярных **анекдотов**, основной механизм комизма в которых может быть определен как **обыгрывание коммуникативной тональности** и где РЖ и прецедентные тексты часто тоже смыкаются и становятся практически неразличимы.

По своей структуре обсуждаемые анекдоты представляют собой диалог: включают инициальную реплику, в которой однозначно или почти однозначно опознается коммуникативная тональность, а из дальнейшего текста (ответной реплики) становится ясно, что такая интерпретация была неправильной:

– Мам! Она кусается!

– А я тебе говорила – не женись...

– Боже, а кто это у нас тут вырос? Какой ты большой стал, как время быстро летит.

– Саиенька, перестань разговаривать с табло обмена валют.

По типу инициальной реплики выделяют два основных типа: 1) **прецедентный текст** (пословица, фразеологизм) (т.е. конкретная, «материально-узнаваемая» языковая или речевая единица, часто апеллирующая к конкретному тексту и / или к конкретному автору):

– О, сколько нам открытий чудных...

– Петрович, не томи, открывай следующую бутылку!

– Шеф, все пропало: с клиента снимают гипс.

– Ну и что, будет другой клиент, мы же работаем в травматологическом отделении;

– Хорошо там, где нас нет. В гостях хорошо, а дома лучше. Не ищи обетованные края – они там, где родина твоя. Нет в мире краше родины нашей. Где родился – там и сгодился!

– Я так понял, мой загранпаспорт ещё не готов?

2) инициальная фраза (вектор-ускорение) **речевого жанра** (опознавание по, так сказать, чистой форме):

– Девушка, вам никто не говорил, что у вас пронзительно-проницательные глаза!

– Ага, просвечивающие насквозь, чего только не говорили! Молодой человек, проезд оплачиваем!

– Мне с собой, пожалуйста.

– Вообще-то вы на экзамене. На билет отвечайте.

– Ты у меня кровью харкать будешь, понял???
Полдня с харей опухшей ходить будешь, понял меня???

– А можно мне другого стоматолога?

Принципиальной разницы между ними анекдоты, в отличие от лингвистов-теоретиков, «не видят»: это безусловно один и тот же тип анекдота.

Это же, в сущности, слияние наблюдаем, например, при решении уже чисто лингвистических задач – обнаружении и исследовании РЖ через посредство на основе **корпусных** баз данных и в целом при помощи методов **корпусной лингвистики**.

В целом с появлением корпусной лингвистики (о методах и «философии» корпусной лингвистики см., например: [38–43]) как будто бы сбылась давняя мечта жанроведа: анализировать РЖ количественно, – ибо, в общем, для решения этой задачи недоставало именно того, что и дают сегодня корпуса: с одной стороны, появляется надежда получить достаточно материала для всестороннего освещения каждого жанра со всеми значимыми вариациями – а до сих пор практически все «полевые» исследователи соглашались, что на уровне РЖ это невозможно (например [21]); с другой – на первый план выходит проблема «**ключевых фраз**», или текстовых маркеров РЖ, по которым одним только и можно осуществлять поиск в корпусах.

О значимости ключевых фраз для ТРЖ писали некоторые исследователи еще до появления корпусов [29 ; 35 : 18]. В то же время исследователю приходится решать данную проблему фактически с нуля, ибо раньше поиском ключевых фраз для конкретных РЖ жанроведы фактически не занимались.

Таким образом, эта задача еще только начинает решаться в жанроведении.

Главными требованиями, предъявляемыми к ключевой фразе, очевидно, должны быть следующие: 1) ключевая фраза должна отвечать **главной** семантике жанра (поэтому, например, «*светский*» для *светской беседы* не годится, а «*по душам*» для *разговора по душам* годится); 2) в системе по этому критерию можно **реально** искать и находить немало примеров (так, для жанра

просьбы в качестве ключевых фраз для идентификации жанра, вероятно, могут быть выделены две формулы: «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*», но при этом, например, если первая дает 306 вхождений в НКРЯ, то вторая – всего 10).

Задачи такого рода еще далеко не решены, в случае же успешного их решения мы получим **существенную характеристику жанра**, которая присутствует в речевом жанре компетенции носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания. С точки зрения данного описания наличие той или иной ключевой фразы / фраз представляет собой что-то вроде дополнительного параметра к разнотипным моделям РЖ типа известной «анкеты РЖ» Т. В. Шмелевой [45].

Характеристики жанра такого рода (например, в будущих «энциклопедиях речевых жанров», о которых говорит Т. В. Шмелева), «добавляемые» к характеристикам, сформулированным в результате других, более традиционных жанроведческих исследований, могли бы выглядеть примерно следующим образом (табл. 1 и 2).

Сложность теоретического характера усиливается тем, что сама постановка данной задачи в жанроведении предполагает определенное противоречие: предполагается искать конкретные (так сказать, «материальные») языковые или речевые единицы, которые присущи скорее прецедентным феноменам, чем речевым жанрам, как известно, представляющим собой не сами фразы / тексты, а только их формы [1 : 192]; так осуществляется и распознавание жанров в речи [35 : 18; 5: 5]. В сущности, это не что иное, как попытка соединить **типологический** подход (чистые структуры, свобода от конкретных «материальных» единиц и их конкретных формы-содержания), присущий, как уже неоднократно отмечалось, изучению речевых жанров в целом [29 ; 44], и в большей степени **субстанциональный** подход, присущий, например, сравнительно-историческому языкознанию (как известно, в истории лингвистической науки, в частности лингвистической типологии, таких попыток соединения было немало, положительных результатов же – мало (см.: [45 : 92])).

В этом отношении наличие той или иной ключевой фразы / фраз речевого жанра – сродни известной типологической идее Владимира Скалички [46]: для изучения и характеристики отдельного языка использовать типологические параметры, характеристики, разработанные и традиционно используемые (поскольку они типологические) принципиально НЕ для отдельных языков.

Таблица 1.

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (какой)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (какой)
X	A ₁	B ₁	n ₁	C ₁	N ₁
	A ₂	B ₂	n ₂	C ₂	N ₂
	...	B ₃	n ₃	C ₃	N ₃
		...	n...	...	N...

Таблица 2.

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
просьба	прошу	Не могли бы вы	306	Буду очень благодарен	32
	пожалуйста				
	будьте добры	Можно вас попросить	10	Для меня это очень важно	15

Сам автор не раз сталкивался с ситуацией, когда, пытаясь объяснить собеседнику (не являющемуся жанроведом или хотя бы лингвистом) суть понятия РЖ, его природу, механизмы распознавания в речи, – обнаруживал у собеседника, с одной стороны, вполне «интуитивно» ясное понимание, о чем идет речь, с другой – полное или значительное неразличение: всплывали ключевые фразы, часто имеющие определенный источник / автора, а следовательно – прецедентные, а не речевые феномены.

Действительно, прецедентные тексты как воплощение стандартных воспроизводимых узнаваемых моментов в устной речи интуитивно гораздо понятнее, чем «стандартные повторяющиеся формы». Но даже при уяснении, например, того, что в случае РЖ нет ни конкретного произведения, ни конкретного автора, неразличение оставалось. Откуда? Думается, прежде всего из существования тех «ключевых фраз», по которым прежде всего и осуществляется опознавание РЖ в речи. Понятно, что данные фразы не могут быть абстрактными, а только «воплне материальными».

В каких отношениях находятся данные фразы с собственно жанрами? На самом деле это довольно серьезная (и важная) теоретическая и практическая проблема ТРЖ (и не только ее), которая еще только начинает решаться в соответствующих работах. Это мы особо хотим подчеркнуть: перед нами большая проблема, требующая самостоятельного исследования. В настоящем параграфе мы хотим обозначить лишь наиболее общие аспекты ее, а также возможные направления исследований по РЖ, в которых бы прямо или опосредованно решалась данная проблема. Наиболее принципиально важным моментом, на который

обращается внимание в настоящем контексте, является интертекстуальность данных ключевых фраз РЖ.

5. Интертекстуальность и речевая креативность

Последний (не по значимости) аспект, о котором мы считаем необходимым сказать несколько слов в связи с дихотомией «жанр – интертекстуальность», – лингвокреативный и / или эстетический. Абсолютное большинство явлений интертекстуальности так или иначе связано с творчеством (или хотя бы имеет эстетические потенции). Жанры же способны творчески или свободно трансформироваться и видоизменяться, сохраняя при этом связь с исходными состояниями или исходными жанрами. Конечно, на это способны не все жанры – соответственно тоже выделяются типы. Так, среди речевых жанров выделяются жанры художественной литературы (а также жанры устной речи, имеющие эстетическое измерение, такие как *тост* или «художественное вранье»).

Этой проблеме был посвящен 8 выпуск сборника «Жанры речи». В частности, обобщая концепции, представленные в статьях, вошедших в сборник, я во вступительной статье пытался показать, что отношение жанра к творчеству в значительной степени парадоксально: в природе речевого жанра есть что-то, что способствует творчеству, а что-то – наоборот, препятствует ему. А именно: с одной стороны, суть жанра состоит в том, чтобы выражать речевой стандарт (ограничивает индивидуальность, заставляет «говорить как все»), с другой – в некоторых случаях поощряется и даже требуется творчество, есть такие РЖ, которым, для того чтобы они были успешны, необходимо, чтобы было творчество. (Это сближает «творческий парадокс жанра» с языком, в основе возможного творческого использования которого лежит точно такой же парадокс:

по выражению А. А. Шахматова, *каждый вынужден говорить так, как хотел бы, чтобы говорили с ним*).

Таким образом, первым базовым членением жанров с точки зрения их творческих потенциалов выступает общая способность / неспособность к амплификации.

Соответственно (1) выделяются такие жанры, которые однозначно не допускают амплификации, например *военная команда*.

Жанры, которые допускают амплификацию, можно разделить на две группы: (2) такие, для успеха которых может быть использована как творческая форма, так и стандартная: *извинение, выражение сочувствия, утешение, флирт*.

Наконец, (3) есть жанры, сама интенциональная природа которых состоит в том, что требуется творчество: *тост, розыгрыш, буриме, разговор по душам* (как и новые *имиджборды, пирожки*)...

Если понимать лингвокреативность как творческий момент, точнее – сотворчество адресата текста, «домысливание» им информации, не содержащейся непосредственно в тексте, интертекстуальность, актуализирующая в сознании адресата некоторые другие тексты, является одним из наиболее эффективных и распространенных средств лингвокреативности. В разрабатываемой в отечественной лингвистике [47 ; 48] теории непрямого общения «непрямота» (косвенность) понимается, в общем, как все случаи, когда смыслы привносятся в коммуникацию не только из непосредственных значений и значимостей языковых и конвенциональных текстовых единиц (знаков), но и из других источников. Интертекстуальность понимается как один из таких источников. Интересно, что в западной традиции интертекстуальность понимается как главный или даже единственный источник «косвенности» – ср. работы Деборы Таннен [49–52], которая, кстати, именно в этом ключе комментирует статью Бахтина о речевых жанрах – жанр как «чужие» формы высказываний, существующие как память о многих, тоже «чужих» диалогах и ситуациях (конечно, Таннен далеко не одинока в такой трактовке Бахтина – см. выше). Следует подчеркнуть, что в отечественной традиции (развиваемой, в том числе, и автором) НК и РЖ осмысливаются как очень близкие понятия: с одной стороны, РЖ являются одним из наиболее универсальных средств упорядочения, «выпрямления» коммуникации, с другой стороны, существуют *косвенные* жанры, требующие, чтобы коммуникация была не прямой (например, косвенность является типологической характеристикой группы *фатических* речевых жанров [53 : 209–236]). Это вновь возвращает нас к понятию вто-

ричного РЖ, т.к. все косвенные РЖ являются вторичными. (И, как уже было сказано, есть такие РЖ, которым, для того чтобы они были успешны, необходим творческий момент: *тост, розыгрыш, буриме, имиджборды, «пирожки»* [54 ; 55].)

5. Заключение

Глобальная проблема «речевой жанр и интертекстуальность» имеет ряд аспектов (они же – аспекты связи речевого жанра и интертекстуальности):

- семиотический – речевой жанр и интертекстуальность как семиотические сущности, упорядочивающие передачу и интерпретацию информации через посредство знаковой коммуникации;

- лингвистический – речевой жанр и интертекстуальность как феномены вербальной природы, с одной стороны, основывающиеся на языковых единицах, с другой – сами транслирующие в систему языка (лексику, идиоматику, а отчасти и грамматику) новые единицы;

- эстетический – он очевиден: имеются в виду ВСЕ интертекстуальные феномены, поскольку все они имеют непосредственный эстетический аспект, потенцию, могут усиливать выразительность и воздейственность речи, хотя в реальной речи имеют такое значение не всегда: так, если в *тосте, розыгрыше, буриме* несомненно значим эстетический момент, то в *разговоре по душам* – вряд ли;

- функционально-прагматический.

В настоящей статье внимание уделялось, главным образом, последнему аспекту, а именно: связь речевого жанра и интертекстуальности осмыслилась через понятие вторичного РЖ, который, как представляется, является наиболее явным выражением «метафоры связи реплик в диалоге», в аспекте взаимовлияния и заимствования текстовых структур (а не конкретных текстов или их фрагментов, авторов и т.д., как у вторичных текстов), хотя имеет непосредственное отношение и к другим аспектам: лингвистическому, эстетическому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : В 5 т. М.: Языки славянских культур, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 59–206.
2. Аллатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
3. Байрамуков Р. М. Соотношение первичных и вторичных жанров в художественной сфере

общения // *Stylistyka* XI. 2002. Opole, 2002. S. 291–306.

4. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.

5. *Рогачева Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 20 с.

6. *Михайлова Е. В.* Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 20 с.

7. *Ширинкина М. А.* Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001. 20 с.

8. *Dobrzyńska T.* Gatunki pierwotne i wtórne (Czytając Bachtina) // *Typy tekstów. Zbiór studiów* / red. T. Dobrzyńska. Warszawa : wydawnictwo IBL. 1992. S.75–80.

9. *Wilkoń A.* Gatunki pierwotne i wtórne w perspektywie historycznej i współczesnej // *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. I. Mowy piękno wielorakie / red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000. S. 13–19.

10. *Прибыткова С. А.* Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 20 с.

11. *Татарникова Н. М.* Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса) : автореф. дис... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 23 с.

12. *Ионова С. В.* Аппроксимация содержания вторичных текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 40 с.

13. *Кобзеева О. В.* Стилежанрообразующая роль аксиологических значений и средств их выражения во вторичных жанрах современной русской речи : научной рецензии, театральной рецензии, отзыве : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 20 с.

14. *Кантурова М. А.* Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 20 с.

15. *Орлова Н. В.* Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 51–56.

16. *Щурина Ю. В.* Речевые жанры комического // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 146–157.

17. *Арутюнова Н. Д.* Жанры общения // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. М. : Наука, 1992. С. 52–56.

18. *Андреева И. В.* Опровержение в институциональном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.

19. *Барнет Вл.* Проблемы изучения жанров устной научной речи // *Современная русская устная научная речь*. Том I. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985. С. 80–133.

20. *Гольдин В. Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : Диссертация в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 40 с.

21. *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102–120.

22. *Баранов А. Г.* Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 4–12.

23. *Гайда Ст.* Жанры разговорных высказываний // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 103–112.

24. *Кожина М. Н.* Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 52–61.

25. *Вежбицка А.* Речевые жанры // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 99–111.

26. *Седов К. Ф.* Анатомия жанров бытового общения // *Вопросы стилистики*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 27. С. 9–20.

27. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с.

28. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М. : Языки славянских культур, 1998. 769 с.

29. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 88–98.

30. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.

31. *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной этимологии // *Успенский Б. А. Избранные труды*. М. : Языки славянских культур, 1996. Т. 2. С. 67–161.

32. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 449 с.

33. *Балашова Л. В.* Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. С. 59–79.

34. *Седов К. Ф.* Анекдот // *Антология речевых жанров : повседневная коммуникация*. М. : Лабиринт, 2007. С.137–148.

35. *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов : ИТД «Наука», 2005. С. 292–298.

36. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу. М. : Академия, 2000. 128 с.

37. *Вельмезова Е. В.* Новые русские «пословицы-анекдоты» : структурные типы и проблемы классификации // *Логический анализ языка. Языко-*

вые механизмы комизма. М. : Индрик, 2007. С. 499–508.

38. Баранов А.Н. Корпусная лингвистика // Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2003. С. 112–137.

39. Копотев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки : Helsinki University Press, 2008. (Slavica Helsingiensia. № 34). С. 7–24.

40. Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. М. : Индрик, 2005. С. 6–20.

41. Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Национальный корпус русского языка : опыт создания корпусов текстов современного русского языка // ред. Л. Н. Беляев и др. Труды Межд. конференции «Корпусная лингвистика–2004». СПб : СПбГУ, 2004. С. 216–238.

42. Integrum : точные методы и гуманитарные науки / ред. Г. Никипорец-Такигава. М. : Летний сад, 2006. С. 50–76.

43. McEnery T., Wilson A. Corpus Linguistics. (2nd Ed.) Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. 235 p.

44. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. 440 с. С. 5–20.

45. Алтаов В. М. История лингвистических учений. М. : Языки славянской культуры, 2001. 367 с.

46. Скаличка В. К вопросу о типологии // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 22–30.

47. Прямая и непрямая коммуникация. Саратов : Колледж, 2003. 354 с.

48. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.

49. Tannen D. Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness. In : Journal of Pragmatics, No 42, 2010, pp. 307–316.

50. Tannen D. Indirectness at Work / D. Tannen // Language in Action : New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy. Eds. Joy Peyton, Peg Griffin, Walt Wolfram and Ralph Fasold, 189–212. Cresskill, N. Y. : Hampton Press, 2000. pp. 189–212.

51. Tannen D. Indirectness in Discourse : Ethnicity as Conversational Style / D. Tannen // Discourse Processes 4 (1981) : 3. 221–238. Earlier draft appeared as Sociolinguistic Working Paper #55 (January 1979), reprinted in Language and Speech in American Society. Austin, TX : Southwest Educational Development Laboratory, 1980.

52. Tannen D. That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships / D. Tannen. N. Y. : Harper Perennial, 1986. 224 p.

53. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

54. Дементьев В. В. Парадоксы жанра: к проблеме «жанр и творчество» // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8. Жанр и творчество. М. ; Саратов : Лабиринт, 2012. С. 7–26.

55. Дементьев В. В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров : взгляд из

2013 // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). Саратов, 2014. С. 22–49.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij v 7 tomakh* [Collected works in 7 volumes. Vol. 5], Moscow, 1996, pp. 159–206.

2. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, 2005. 402 p.

3. Bayramukov R. M. Sootnosheniye pervichnykh i vtorichnykh zhanrov v khudozhestvennoy sfere obshcheniya [The relation between primary and secondary genres in the artistic field of communication]. *Stylistyka XI*. 2002, pp. 291–306.

4. Bobyreva Ye. V. *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse: values, genres, strategy: based on the Orthodox Faith. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2007. 40 p.

5. Rogachova N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikacii (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [The structure and functioning of the internet-communication secondary speech genres. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2011. 252 p.

6. Mikhaylova Ye. V. *Intertekstual'nost' v nauchnom diskurse (na materiale statey)* [Intertextuality in scientific discourse: based on articles. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 1999. 20 p.

7. Shirinkina M. A. *Vtorichnyy delovoy tekst i yego zhanrovyye raznovidnosti* [Secondary business text and its genre variety. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Perm', 2001. 20 p.

8. Dobrzyńska T. Gatunki pierwotne i wtórne (Czytając Bachtina). *Typy tekstów. Zbiór studiów*, red. T. Dobrzyńska. Warszawa: wydawnictwo IBL. 1992, pp.75–80.

9. Wilkoń A. Gatunki pierwotne i wtórne w perspektywie historycznej i współczesnej. *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. I. Mowy piękno wielorakie. Red. D. Ostaszewska. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2000, pp. 13–19.

10. Pribytkova S. A. *Semantiko-pragmatische osobennosti elektronnoy retsenzii kak vtorichnogo teksta (na materiale anglijskogo yazyka)* [Semantico-pragmatic features of the electronic review as a secondary text (in the English language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Tambov, 2004. 20 p.

11. Tatarnikova N. M. *Koordinatsiya pervichnogo i vtorichnogo rechevykh zhanrov v ofitsial'no-delovom stile (na primere doprosa i protokola doprosa)* [Coordination of primary and secondary speech genres in the official style (for example, questioning and interrogation protocol). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Kemerovo, 2004. 23 p.

12. Ionova S. V. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of the content of secondary texts. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2006. 40 p.

13. Kobzeyeva O. V. *Stilezhanroobrazuyushchaya rol' aksiologicheskikh znacheniy i sredstv ikh vyra-*

zheniya vo vtorichnykh zhanrakh sovremennoy russkoy rechi: nauchnoy retsenzii, teatral'noy retsenzii, otzyve [Style-making role of axiological values and their means of expression in secondary genres of contemporary Russian speech: scientific reviews, theater reviews, comments. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Omsk, 2006. 20 p.

14. Kanturova M. A. *Derivatsionnyye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsepta)* [Derivational processes in the speech genres (for example, the speech genre of cooking recipe). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Novosibirsk, 2012. 26 p.

15. Orlova N. V. Zhanry razgovornoy rechi i ikh «stilisticheskaya obrabotka»: k voprosu o sootnoshenii stilya i zhanra [Genres speaking and their "stylistic treatment": the question of the relationship of style and genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 51–56.

16. Shchurina Yu. V. Rechevyye zhanry komicheskogo [Comic speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 146–157.

17. Arutyunova N. D. Zhanry obshcheniya [Genres of communication]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deysis* [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, 1992, pp. 52–56.

18. Andreyeva I. V. *Oproverzheniye v institutsional'nom diskurse* [Refutation of institutional discourse. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2008. 20 p.

19. Barnett V. Problemy izucheniya zhanrov ustnoy nauchnoy rechi [Problems of studying scientific oral speech genres]. *Sovremennaya russkaya ustnaya nauchnaya rech'* [Modern Russian scientific oral speech]. Vol. I. Krasnoyarsk, 1985, pp. 80–133.

20. Gol'din V. E. *Teoreticheskiye problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communication dialectology. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 1997. 40 p.

21. Fedosyuk M. Yu. Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 1997. Nr 5, pp. 102–120.

22. Baranov A. G. Kogniotipichnost teksta. K probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatel'nosti [Cogniotypicality of the text. To the problem of levels of abstraction textual activity]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 4–12.

23. Gajda St. Zhanry razgovornykh vyskazyvaniy [Genres of spoken utterances]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 103–112.

24. Kozhina M. N. Rechevoy zhanr i rechevoy akt (nekotoryye aspekty problemy) [Speech genre and speech act: some aspects of the problem]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 52–61.

25. Wierzbicka A. Rechevyie zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 34–48.

26. Sedov K. F. Anatomiya zhanrov bytovogo obshcheniya [Anatomy of the genres of everyday communication]. *Voprosy stilistiki* [Questions of stylistics]. Saratov, 1998. Vol. 27, pp. 9–20.

27. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977. 695 p.

28. Gak V. G. *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language conversions]. Moscow, 1998. 769 p.

29. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–99.

30. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, 1992. 272 p.

31. Uspenskiy B. A. Mifologicheskiy aspekt russkoy ekspressivnoy etimologii [Mythological aspect of Russian expressive etymology]. Uspenskiy B. A. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, 1996. Vol. 2, pp. 67–161.

32. Freydenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of subjects and genres]. Moscow, 1997. 449 p.

33. Balashova L. V. Nominatsii rechevykh zhanrov i ikh komponentov v sovremennom russkom yazyke [Nominations of speech genres and their components in the modern Russian language]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Iss. 6. Saratov, 2009, pp. 59–79.

34. Sedov K. F. Anekdot [Anecdote]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication]. Moscow, 2007, pp. 137–148.

35. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. Russkiy anekdot v dvadtsat' pervom veke (transformatsii rechevogo zhanra) [Russian anecdote in the twenty-first century (the transformation of the speech genre)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 296–301.

36. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguistic concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, 2000. 128 p.

37. Vel'mezova Ye. V. Novyye russkiye «poslovitsy-anekdoty»: strukturnyye tipy i problemy klassifikatsii [New Russian «proverbs-jokes»: structural types and classification problems]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovyye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of comic]. Moscow, 2007, pp. 499–508.

38. Baranov A. N. Korpurnaya lingvistika [Corpus Linguistics]. Baranov A. N. *Vvedeniye v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to the applied linguistics]. Moscow, 2003, pp. 112–137.

39. Kopotev M., Mustayoki A. Sovremennaya korpurnaya rusistika [Modern corpus Russistics]. *Instrumentariy rusistiki: korpurnyye podkhody* [Instrumenta-

tion of Russistics: corpus approaches]. Helsinki, 2008. (Slavica Helsingiensia. № 34), pp. 7–24.

40. Plungyan V. A. Zachem nuzhen Natsional'nyy korpus russkogo yazyka? Neformal'noye vvedeniye [Why the Russian National Corpus is needed? Informal introduction]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005* [Russian National Corpus: 2003–2005]. Moscow, 2005, pp. 6–20.

41. Plungyan V. A., Sichinava D. V. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: opyt sozdaniya korpusov tekstov sovremennogo russkogo yazyka [Russian National Corpus: the experience of creating a corpus of modern Russian language texts. Eds. L. N. Belyayeva et al.]. *Trudy Mezhd. konferentsii «Korpusnaya lingvistika–2004»* [Proceedings of the Int. Conference «Corpus Linguistics 2004»]. St.-Petersburg, 2004, pp. 216–238.

42. *Integrum: tochnyye metody i gumanitarnyye nauki* [Integrum: exact methods and Humanities. Ed. G. Nikiporets-Takigawa]. Moscow, 2006, pp. 50–76.

43. McEnery T., Wilson A. *Corpus Linguistics*. (2nd Ed.) Edinburgh, 2001. 235 p.

44. Dementyev V. V. Aspekty problemy «zhanr i kul'tura» [Aspects of the problem «Genre and culture»]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 5–20.

45. Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [History of Linguistic Studies]. Moscow, 2001. 367 p.

46. Skalička V. K voprosu o tipologii [On the issue of the typology]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. Moscow, 1966, no. 4, pp. 22–30.

47. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Saratov, 2003. 354 p.

48. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, 2006. 376 p.

49. Tannen D. Abduction and Identity in Family Interaction: Ventriloquizing as Indirectness. *Special issue of Journal of Pragmatics*. Ed. by p. Kiesling, 2009, no. 10 (1016), pp. 50–75.

50. Tannen D. Indirectness at Work. *Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy*. Ed. by J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, New York, 2000, pp. 189–212.

51. Tannen D. Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style. *Discourse Processes*, 1981, no. 4, pt. 3, pp. 221–238.

52. Tannen D. *That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships*. New York, 1986. 224 p.

53. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

54. Dementyev V. V. Paradoksy zhanra: k probleme «zhanr i tvorchestvo» [Paradoxes of the genre: the problem of «genre and creativity»]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V.V. Dementyev]. Iss. 8. Moscow; Saratov, 2012, pp. 7–26.

55. Dementyev V. V. Aktual'nyye problemy nepryamoy kommunikatsii i yeye zhanrov: vzglyad iz 2013 [Actual problems of indirect communication and its genres: the view from 2013]. *Zhanry rechi* [Speech genres], no. 1–2 (9–10). 2014, pp. 22–49.

Статья поступила в редакцию 10.08.2015.